

Часть первая
Лестница в рай

Глава 2

“Бутерброды с яблоками и сахаром”

Хотя фамилии с приставкой “Мак”, означающей “сын такого-то”, как правило, носят шотландцы, корни у Пола и с отцовской, и с материнской стороны ирландские. На протяжении истории два народа были тесно связаны между собой, в основном обоюдной неприязнью к англичанам. Их действительно многое роднит, от общего гэльского языка до любви к виски и пронзительно душещипательной музыке, которую оба производят на свет с помощью волюнок. Семьи шотландского происхождения можно отыскать повсюду в Ирландии, и наоборот.

И хотя одной из самых спорных песен, написанных Полом, была “*Give Ireland Back to the Irish*” (“Верните Ирландию ирландцам”), по правде говоря, его предки расстались с родиной вполне добровольно.

Его прадед по отцу, Джеймс Маккартни, был из множества эмигрантов конца XIX века, когда чудовищная нищета заставляла ирландцев покидать родной остров в надежде на лучшую долю. Джеймс оказался в числе многих, кто, переплыв Ирландское море, осел в Ливерпуле — городе, многолюдные доки и фабрики которого заработали ему репутацию “второго в Британской империи”. Прибыв сюда в начале 1880-х годов, он поселился в бедном районе Эвертоне и стал работать маляром. Джозеф, сын Джеймса, работал листорезом на табачной фабрике Коупа, а в 1896 году женился на Флоренс Клегг, дочери местного торговца рыбой. Она родила ему девять детей, двое из которых, Энн и Джозеф-младший, умерли в младенчестве (их имена перешли мальчику и девочке, родившимся позже). Пятый ребенок и второй из выживших сыновей Джозефа и Флорри родился в 1902 году. Это был отец Пола Джеймс, или Джим, как его называли всю последующую жизнь.

Жили Джим и его шестеро братьев и сестер: Джек, Джо-младший, Эдит, Энн, Милли и Джейн по прозвищу Джин — в маленьком доме на Солвастрит, в самой бедной части Эвертона. На склоне лет он вспоминал, что у де-

тей в семье Маккартни на всех имелось две пары обуви, одна для мальчиков и одна для девочек. Поскольку в школе запрещали появляться необутыми, они ходили туда в своих драгоценных башмаках по очереди, а потом возвращались вечером и вслух повторяли то, что проходили на уроках, для всех остальных.

Несмотря на чрезвычайную бедность семьи и трущобный район, чреватый всяческими опасностями, Джим вырос честным, скромным и безукоризненно вежливым молодым человеком, заслужив прозвище “джентльмен Джим”, которым его называли даже собственные братья и сестры. Когда в четырнадцать лет он закончил школу, директор в своей характеристике “[не мог] сказать о нем ни единого плохого слова”. Было в его детстве одно неприятное происшествие: когда ему было десять, он упал со стены и повредил правую барабанную перепонку, в результате на всю жизнь остался глухим на одно ухо.

Начиная с XVIII века процветание Ливерпуля в значительной степени основывалось на хлопке, который прибывал морем из обеих Америк и Азии и продавался на текстильные и одежные фабрики по всему британскому северу. Джим устроился к одним из старейших в городе перекупщиков хлопка, *A. Hannay & Son*, в качестве “мальчика по образцам” — он развозил экземпляры новоприбывшего товара на пробу потенциальным покупателям. В дополнение к своему недельному жалованью в 6 шиллингов (30 пенсов), он приторговывал программками для расположенного в Эвертоне концертного зала “Тиэтр Ройал” и иногда управлял сценическим прожектором — освещал главных исполнителей в особо важные моменты.

На сына, который родится у него, будут направлены почти все прожекторы мира. Но немного сценического света перепало и Джиму. Джозеф, его отец, увлекался музицированием, играл на ми-бемольной трубе в самодеятельном духовом оркестре фабрики Коупа и устраивал концерты и музыкальные посиделки для соседей. Несмотря на частичную глухоту, у Джима оказался природный музыкальный слух, благодаря чему он самоучкой освоил трубу и пианино. Сразу после Первой мировой, служить на которую его не взяли по молодости, он собрал полупрофессиональный танцевальный оркестрик, где на тромбоне также играл его старший брат Джек.

В самом начале они выступали в черных масках, как у Зорро, и назывались *Masked Music Makers*, однако в концертной духоте краситель с масок растекался по лицу, так что они поспешно сменили имидж и перекрестили себя в *Jim Mac Jazz Band*. Оркестр играл на местных танцах, а иногда и аккомпанементом к немым фильмам, импровизируя мелодии, чтобы те соответствовали происходящему на экране. У отца и у брата Джека были хорошие певческие голоса, но сам Джим и не пытался петь, предпочитая держаться своей “дудки”. На сохранившейся в семье фотографии запечатлен *Jim Mac Jazz Band* образца двадцатых годов, в смокингах и рубашках с воротниками-“бабочками”, с большой группой поклонниц и басовым барабаном в центре — почти в точности

как в будущем у сержанта Пеппера. Тонкое лицо и приподнятые брови бэнд-лидера — еще одно предвестие будущих невероятных событий.

К началу Второй мировой в 1939 году Джиму было 37 лет и, несмотря на все поиски невесты со стороны матери и пяти сестер, он явно чувствовал себя комфортно в роли “убежденного холостяка”. В компании Ханнея он дослужился до агента по продажам и теперь делил свое время между ливерпульской Хлопковой биржей на Олд-стрит и доками, где выгружали партии товара, иногда навеваясь к клиентам на фабриках в Манчестере, в 35 милях к востоку. В его обязанности входила проверка длины хлопковых волокон — чем длиннее волокно, тем более продукт подходит для прядения. Несмотря на поврежденное ухо, Джим научился классифицировать сырье по звуку. “Он мог потереть комок хлопка о здоровое ухо и тут же определить сорт”, — вспоминает его приемная дочь Рут Маккартни.

Ливерпуль, будучи главным британским портом для приема продовольственных конвоев с Атлантики и крупным центром производства вооружений, оказался одной из главных мишеней для гитлеровского люфтваффе и пережил бомбежки, по разрушительности почти не уступавшие лондонским. Джим был староват для армии, да к тому же имел инвалидность по слуху, поэтому, когда Ханней закрыл свой бизнес на время войны, он встал за токарный станок на военном заводе, а в ночные смены дежурил добровольным пожарным.

Однажды во время визита к своей овдовевшей матери в Норрис-Грин он познакомился с медсестрой, такой же, как он, ирландкой, по имени Мэри Патришия Мохин, — она была соседкой его сестры Джин по пансиону. Хотя худшие месяцы ливерпульского “блица” остались в прошлом, налеты иногда еще случались. Как раз когда Джим и Мэри знакомились друг с другом, завывали сирены, и им пришлось продолжить разговор в “андерсоновском”¹ бомбоубежище во дворе. Пока они прятались под тонкими сводами из рифленого железа, прижавшись друг к другу, “джентльмен Джим” наконец влюбился.

Отец Мэри Оуэн, который зарабатывал доставкой угля на дом, был уроженцем графства Монахан, перебравшимся в Англию на рубеже веков и сменившим свою фамилию Мохан на не столь явно ирландскую Мохин. Свою мать — печальное предзнаменование будущих событий — Мэри потеряла в десятилетнем возрасте, оставшись с двумя братьями, Уилфредом и Биллом (две ее сестры умерли еще в детстве). Отец женился, завел новую семью, но мачеха не любила Мэри, и той скоро пришлось начать самостоятельную жизнь.

С такой историей, пожалуй, неудивительно, что она сделала своим призванием заботу о других. В четырнадцать лет Мэри устроилась медсестрой-

¹ Прimitивное убежище из закапываемых гофрированных стальных листов, которое бесплатно распространялось британскими властями во время Второй мировой войны.

стажером в больницу на Смитдаун-роуд. Впоследствии, пройдя трехлетнее обучение в больнице “Уолтон дженерал” на Райс-лейн, она получила диплом медицинского работника и уже в двадцать четыре года стала старшей медсестрой.

Когда Мэри познакомилась с Джимом Маккартни, ей был тридцать один год — возраст, в котором большинство тогдашних незамужних женщин уже смирились с пожизненным статусом старой девы. Но для стоявшего на пороге сорокалетия Джима эта женщина с ее кротким, мягким характером и типично ирландской миловидностью — того сорта, что предполагал наличие в роду испанцев или итальянцев, — представляла очень удачную партию. Тем не менее инициативу в процессе ухаживания взяла на себя именно Мэри. “Папа рассказывал, что мама ему очень нравилась и он с ней долго ходил на свидания, — вспоминал позже Пол. — Потом вдруг понял, что она его все время просит брать с собой на танцы. . . Ходит по всяким увеселительным заведениям, хотя сама не из таких. Оказалось, что это потому, что там играл отец. Она везде за ним бегала, прямо как фанатка. [Позже] я уже стал думать: «Боже мой, так вот откуда у меня все это!»”

Роман мог закончиться, почти не начавшись, ибо Мэри воспитывалась в католичестве, а Маккартни были протестантами. Среди ирландского населения Ливерпуля межконфессиональная вражда была не менее острой, чем на оставленной родине; и католики, и “оранжисты” устраивали показательные парады и шествия, которые обычно заканчивались насилием, а смешанные браки вызывали осуждение с обеих сторон. Однако Мэри по сути была лишена тесного семейного круга, и мешать ее решению было некому. Плюс Джим заявил, что он агностик. В апреле 1941 года они поженились в католической церкви Св. Свитина.

Их первый ребенок, мальчик, родился 18 июня следующего года в больнице “Уолтон дженерал”. Мэри когда-то была старшей сестрой в здешнем родильном отделении, поэтому ей сделали подарок в виде места в частной палате. Когда ребенок появился на свет, из-за гипоксии мозга у него случилась белая асфиксия и всем показалось, что он не дышит. Акушер уже приготовился объявить о смерти, когда ассистирующая сестра, хорошо знавшая Мэри и такая же католичка, стала усердно молиться; через несколько мгновений младенец ожил.

Джим дежурил по пожарной части и добрался до больницы лишь несколько часов спустя, когда ребенок уже всюду дышал и перестал быть мертвенно-бледным. “Он был с одним открытым глазом и клекотал, как птица, — вспоминал потом его отец с истинно ливерпульской бесцеремонностью. — Когда его подняли мне показать, он был похож на кусок мяса с бойни”.

Услышав о чуде, случившемся ранее, Джим не стал возражать, когда Мэри захотела крестить ребенка по католическому обряду. В качестве первого ему

дали имя отца и прадеда — Джеймс, а в качестве среднего — имя святого Павла, под которым он и станет всем известен.

Первым домом Пола стали несколько меблированных комнат в Энфилде, номер 10 по Санбери-роуд, недалеко от кладбища, где были похоронены сотни ливерпульцев, ставших жертвами воздушных налетов. Джим вскоре уволился с военного завода и пошел работать инспектором в санитарном управлении муниципалитета — следить за тем, чтобы сборщики мусора не укорачивали свои маршруты. В городе, где 20 тысяч единиц жилья были разрушены бомбами, пристроить семью было постоянной проблемой. Маккартни сменили еще четыре временных адреса на обоих берегах реки Мерси, не задерживаясь нигде дольше чем на несколько месяцев. Проблема стала еще насущней в январе 1944-го, когда Мэри вернулась в “Уолтон дженерал”, чтобы родить второго сына, Питера Майкла, которого все всегда будут звать Майком.

С окончанием войны *A. Hannay & Son* вновь открылись, и Джим вернулся к своей прежней работе — продаже хлопка. Однако после пяти лет войны на рынке хлопка царил глубокий упадок, и теперь ему удавалось приносить домой лишь шесть фунтов в неделю. В дополнение к заработку мужа Мэри, с ее профессиональной подготовкой, устроилась в местный орган здравоохранения патронажной сестрой — обеспечивать домашний уход для нетяжелых больных.

В 1947 году, когда Полу еще не исполнилось пяти, ей дали место сестры по родовспоможению на дому при новом жилом микрорайоне в Спике, примерно в восьми милях к юго-востоку от центра Ливерпуля. Главный плюс работы заключался в том, что по месту ей полагалось бесплатное муниципальное жилье. Когда Маккартни переехали в свой новый дом, номер 72 по Вестерн-авеню, микрорайон был достроен только наполовину и представлял собой пустырь с разбитыми дорогами и кирпичными коробками без крыш. Уже тогда наделенный ярким воображением, Пол представлял себя и родителей с братом “семьей американских пионеров в крытой повозке”.

Одно из его самых ранних воспоминаний — ощущение холода: пронизывающий зимний ветер с Мерси, жжение потрескавшихся губ, оголенные уши, а также колени — из-за коротких штанишек, на которые были обречены в ту пору все дети мужского пола.

1947 год в Британии был самым тяжелым из послевоенных лет. Нацию, жившую в режиме строгой экономии, разоренную и истощенную войной, казалось, лишили всего: тепла, продуктов, веселья, любого цвета, кроме мутного черно-белого цвета кинохроники. И Ливерпуль с множеством разрушенных зданий и зияющих воронок выглядел столицей этой аскетической

жизни. Как и у большинства городских детей, главными игровыми площадками для Пола и Майка были места бомбежек, на ливерпульском наречии — которое отказывается принимать что-либо слишком всерьез — известных под уменьшительно-ласкательным названием “*bombies*”.

В доме 72 по Вестерн-авеню холодно не было никогда: двое сыновей Мэри Маккартни жили в окружении безмятежности и любви, которых она сама была лишена. Пол потом вспоминал, как мать “все время обнимала и целовала” его, но также и то, как по-медсестрински быстро и умело она делала все, что необходимо, если он или его брат приходили с ушибом или ссадinou или если вдруг у них поднималась температура. Более успокаивающей, чем даже объятия, была уверенная точность ее движений — то, как она управлялась с бинтом или лейкопластырем или энергично встряхивала градусник, прежде чем засунуть его под язык.

Мэри не жалела сил, ухаживая за роженицами, и по мере заселения нового микрорайона работа отнимала все больше ее времени. Пол навсегда запомнил образ матери, уезжающей в один из снежных зимних вечеров, чтобы принять роды, — на велосипеде с корзинкой для акушерских принадлежностей и мерцающим маленьким фонариком. Она казалась ему окруженной почти ореолом святости, ибо благодарные пациенты всегда оставляли на пороге дома номер 72 цветы или дефицитные сладости — как подношения у алтаря.

Одной из курьезных черт британской классовой системы в 1940–1950-х годах было то, что медицинские сестры, вне зависимости от происхождения, становились почетными членами среднего класса и считали освоение благородного выговора частью своей профессиональной подготовки. Поэтому, будучи важным членом общины, населявшей Спик, Мэри также занимала положение несколько в стороне, и это самоощущение передалось Полу с Майком. Мать особенно заботилась о том, чтобы они не говорили с тем же гортанным ливерпульским прононсом, что другие дети по соседству, и всегда были более вежливы и церемонны, чем принято в Мерсисайде. Проведя пару лет на Вестерн-авеню, семья переселилась в еще один муниципальный дом, номер 12 по Ардвик-авеню, всего в нескольких кварталах от прежнего места. Новое жилище не превосходило старое по площади, и туалет по-прежнему был только во дворе, однако Мэри считала этот квартал классом повыше.

Несмотря на позднее родительство, Джим оказался добросовестным и любящим отцом. Держался он с серьезностью, приличествующей человеку, который каждый день в деловом костюме отправляется на работу “в город”, однако, по словам Майка Маккартни, “ему была свойственна едва заметная, как бы булькающая в глубине веселость, которая в любую минуту могла взорваться”. Например, мальчики очень рано выяснили, что с папой бесполезно соревноваться, кто как показывает язык, потому что у него язык был куда толще и высовывал он его намного дальше.

Джиму пришлось забросить игру на трубе после того, как он потерял зубы, но пианино оставалось его страстью. На почетном месте в углу гостиной стоял недорогой, но приличный инструмент, купленный в рассрочку в Уолтоне в магазине *NEMS*. Своими первыми музыкальными впечатлениями Пол был обязан именно Джиму и его энергичному, с перекрещиванием рук, исполнению старых джазовых стандартов, например гершвиновского хита 1922 года “*Stairway to Paradise*”.

Хотя мальчики не знали своих дедушки и бабушки по отцу, дядь и тетя с его стороны у них было предостаточно: два брата Джима, Джек и Джо, и четыре сестры, Иди, Энни, Милли и Джинни. Высокий, романтически эффектный дядя Джек, когда-то игравший на тромбоне в *Jim Mac Jazz Band*, а теперь собиравший арендную плату для ливерпульского муниципалитета, из-за отравления газом в Первую мировую мог говорить только шепотом. Тетя Милли вышла замуж за одного из коллег Джима по Хлопковой бирже, Альберта Кендала, так что у Пола действительно имелся “дядя Альберт”, которого он позже вставит в песню. Бедокуроем в семье слыл муж тети Иди, Уилл Стэплтон. Он работал корабельным стюардом и, как большинство представителей этой профессии, безоглядно воровал на службе, в конец концов угодив на три года в тюрьму за кражу 500 фунтов из груза банкнот, переправлявшихся в Западную Африку. Еще один член семьи Маккартни вновь испытал все прелести жизни за решеткой только пятьдесят лет спустя.

Самой веселой и яркой из теток была Джинни, или Джин, любимица Пола с самых ранних лет, — она тоже удостоилась упоминания в одной из его песен. Джин была матриархом клана, тем, к кому все остальные обращались за советом. “Мама была очень мудрой женщиной, — вспоминает ее сын Иэн Харрис, — и всегда знала, как добиться того, что ей нужно. Однажды она даже уговорила городские власти изменить автобусный маршрут, чтобы он проходил по нашей улице”.

По воспоминаниям Харриса, дети в этом клане жили “как кочевники, потому что мы всегда гостили друг у друга. Я проводил уйму времени у Пола с Майком. Их мама, тетя Мэри, отличалась строгостью — но при этом была милая, добрая женщина”. Среди родственников устраивались частые посиделки в ливерпульском стиле, с выпивкой и пением, танцами и смехом, длившимися далеко за полночь. Дядя Джек отпускал шутки своим интригующим шепотом, Джим отбивал что-то на пианино. Когда праздновали Новый год в доме дяди Джо в Эйнтри, полночь знаменовалась сиплым воем шотландского волынщика за входной дверью. Все кричали: “Пусть войдет!”, и голос Джин всегда был громче всех.

Католичество Мэри предполагало, что ее сыновья будут воспитываться “в вере”. Однако в этом, как и во всем остальном, она больше полагалась на мужа — номинального агностика, но в основе своей носителя протестант-

ской традиции. После католического крещения и кое-каких занятий в воскресной школе в малолетнем возрасте Пол и Майк больше не имели никаких контактов с церковью своей матери. Их отдали в “школу для младенцев” (детский сад) на Стоктон-роуд, в нескольких минутах ходьбы от дома, где религиозное обучение было исключительно англиканское. Детей из других семей, получивших муниципальное жилье, брали туда в таких количествах, что вскоре в ней занималось полторы тысячи человек и она стала самым переполненным учреждением начального образования в Великобритании. Пол и Майк попали в число тех, кого перевели в начальную школу имени Джозефа Уильямса в Гейтэйкре — туда надо было добираться полчаса на автобусе.

Пол вырос левшой — факт, который запросто мог осложнить его начальное образование. Таких детей в ту пору обычно считали упрямыми и своенравными, если не вовсе зловредными, и часто вынуждали пользоваться правой рукой, и иногда дразнили “косорукими” или “леваками”. Однако в школе Джозефа Уильямса Полу разрешили все делать левой рукой. В результате он научился писать без малейших помарок — как и его мать — и вдобавок продемонстрировал явный талант к рисованию и живописи.

С самого начала уроки давались ему легко, и учителя были к нему благосклонны — благодаря его проказливо-миловидной внешности, а также привитым матерью вежливости и обходительности. Единственное, за что его тогда (и не раз в последующей жизни) критиковали, было то, что он слишком полагается на свои способности и очарование и потому никогда в полной мере не добивается результатов, которые ему по силам. Одна из школьных характеристик описывает его как “очень умного мальчика, который, приложи он немного внимания и усидчивости, легко мог бы стать первым в классе”.

Среди его одноклассников в школе Джозефа Уильямса была высокая бело-волосая девочка по имени Бернис Стенсон, чья мать знала Мэри Маккартни и иногда ассистировала ей в акушерской практике. Однажды им пришлось принимать роды у глухой женщины. Мэри, проявив обычное для нее спокойствие и терпение, поручила миссис Стенсон оформлять бумаги, пока она сама “займется родами”.

Бернис вспоминает, что в возрасте шести-семи лет Пол уже был известен своим “сильным, чистым” голосом и что ему всегда доставались главные партии в школьных концертах и постановках, а также в рождественских песнопениях. Унаследовавший отцовскую страсть к музыке, он инстинктивно подстраивался вторым голосом к певцам, которых слышал по радио. Джим задумал пристроить одиннадцатилетнего Пола хористом в Ливерпульский собор — монументальное здание из песчаника, возвышающееся над городом, которое каким-то образом выстояло посреди гитлеровских бомб. Пол оказался одним из 90 мальчиков, пришедших на отбор и исполнявших перед музыкальным директором собора Роналдом Воуном рождественский гимн “В городе царя Давида”. Когда

подошла его очередь, что-то заставило Пола специально сбиться на высокой ноте, которую он совершенно спокойно мог взять, и его забраковали. Пройдет еще почти сорок лет, прежде чем собор снова откроет для него свои двери.

Пока же ему пришлось довольствоваться хором при церкви Св. Варнавы в Моссли-Хилл (известной в народе как “Барни”), неподалеку от Пенни-лейн. Богослужения привили ему искреннюю любовь к англиканским гимнам с их торжественными органными аккордами и словами, исполненными высокой поэзией. Годы спустя, когда он начал писать песни, разлетевшиеся по всему миру, люди часто отмечали, что более серьезные из них “звучат как гимны”. Однако в то время главным плюсом Барни было то, что хористам платили за пение на свадьбах и похоронах. “Если тебя брали на свадьбу, ты получал 10 шиллингов [50 пенсов], — вспоминал он. — Я ждал неделями — месяцами, — но ни на одну свадьбу так и не попал”.

По понятным причинам Джим Маккартни очень хотел, чтобы Пол освоил фортепиано — освоил “как следует”, а не как он, самоучкой. Поскольку музыка в программе школы Джозефа Уильямса отсутствовала, Пол начал брать частные уроки фортепиано у одной пожилой женщины. Вскоре он их забросил, жалуясь, что занятия просто добавляют ему домашней работы и что в доме его учительницы “старушечий запах”.

Тем минимумом формального музыкального образования, которое он получил, он большей частью был обязан своему отцу и пианино в гостиной. Исполняя “*Stairway to Paradise*” или какую-нибудь другую популярную мелодию из прошлого, Джим выкрикивал имена аккордов, показывая ему положение пальцев на черных и белых клавишах и поясняя их последовательность. Его отец обожал духовые оркестры и брал с собой Пола специально, чтобы послушать их в просторных ливерпульских парках, чем навсегда привил ему вкус и к этой музыкальной традиции.

Несмотря на все это, Джим всегда настаивал, что не был “настоящим” музыкантом, поскольку ничему профессионально не учился. Время от времени он отвлекался от излюбленных стандартов Гершвина и Ирвинга Берлина, чтобы сыграть кое-что, написанное им самим еще в составе *Jim Mac Jazz Band*, — меланхолическую пьеску под названием “*Eloise*”. Правда, он отнекивался от самого слова “написать” — для него, как и для всего мира, авторы песен являлись тайным орденом, члены которого обитали исключительно в Лондоне или Нью-Йорке. Со скромностью, принадлежащей другой эпохе, он говорил, что всего лишь ее “придумал”.

Маккартни жили совсем небогато. Кроме шести фунтов недельного жалования в *Hannay & Co.*, Джим не получал ничего — ни комиссионных, ни льгот. Акушерская зарплата Мэри была на 6 шиллингов (30 пенсов) больше — что

несколько смущало их обоих, — но и это едва ли в полной мере компенсировало ее ненормированный рабочий день.

Как бы то ни было, сразу после Второй мировой семья из четырех человек в Северо-Западной Англии с совокупным доходом Джима и Мэри могла иметь вполне обустроенный быт. Мясо, будучи недорогим, составляло основу их домашнего питания: баранина, свинина, говядина, печень и воскресный ростбиф с йоркширским пудингом, который Мэри на северный лад поливала “золотым сиропом” производства *Tate & Lyle* и подавала как десерт. Пол с аппетитом поглощал любое мясо, кроме языка, слишком напоминавшего его собственный. Фрукты главным образом присутствовали в консервированном виде: персики, груши, дольки мандарина поливались заварным кремом или его любимым сгущенным молоком. Долгие годы единственным видом апельсинового сока, известным ему, был концентрат, во время войны раздававшийся детям государством в казенного вида угловатых бутылочках, — они были по-прежнему широко доступны. “Его полагалось разводить, — вспоминал Пол. — Но нам нравилось пить его прямо из горлышка”.

Братья всегда были безукоризненно одеты и не испытывали недостатка ни в чем, что полагалось тогдашним школьникам. Каждое лето Мэри и Джим брали их с собой в отпуск — либо в соседний Северный Уэльс, либо в один из приморских кемпингов сети “Батлинз”. В то время британцы еще не открыли для себя одежду для отдыха, поэтому мальчики бегали по пляжу в школьных рубашках и коротких штанишках, а Джим возлежал в шезлонге в своем деловом костюме.

В какой-то момент оба вступили в 19-й городской скаутский отряд Ливерпуля, что предполагало еще одну форму в дополнение к школьной, а также регулярные поездки в лагерь. Пол обнаружил сноровку в скаутских занятиях вроде завязывания узлов и разжигания костров и с удовольствием собирал нашивки, демонстрировавшие его разносторонние таланты.

На снимке, сделанном в Уэльсе на склоне холма, запечатлена типичная семья 1950-х годов: Джим в твидовом пиджаке и рубашке с расстегнутым воротом, вполне напоминающий попыхивающего трубкой Фреда Астера; Мэри в довольно простом платье, заменившем на время ее накрахмаленный стринский фартук. Девятилетний Пол сидит, выпрямившись и уткнув руки в боки, уже тогда комфортно чувствуя себя перед камерой. Майк рассмеялся, когда щелкнул затвор, поэтому он немного не в фокусе.